

О. Г. Усенко (г. Тверь)

КЛИРИКИ–ЛЖЕМОНАРХИ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ

В России XVII–XVIII вв. монархическое самозванство¹ было довольно распространённым явлением. Известно, что оно затронуло и ряды клириков. Однако до сих пор точно не известны общее количество и персональный состав псевдомонархов из данной категории населения. Необходимо восполнить этот пробел, иначе останутся без ответа следующие вопросы: в какой степени формальная принадлежность лжемонарха к служителям культа и/или к духовному сословию сказывалась на его мыслях и поступках? Можно ли эту принадлежность относить к первичным факторам самозванства, т. е. ссылаться на неё при объяснении того, почему вдруг данный индивид стал претендовать на монарший статус?

Я исхожу из того, что не каждый, кто называет себя «царём»/ «царевной», «государем»/ «государыней» и т. д., заслуживает квалификации «лжемонарх (псевдомонарх, самозванец монархического типа)».

Лжемонарх – это дееспособный и правоспособный индивид, который не только выдаёт себя за верховного правителя отдельного государства или члена его фамилии (в неё входят ближайшие родственники и свойственники монарха), но также стремится получить соответствующие новому статусу властные полномочия – либо добивается признания со стороны официальных властей, либо создаёт свою собственную, автономную сферу властвования (вербует сторонников и добивается того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные»)². От лжемонархов

[с. 79]

нужно отличать людей, произносивших «непригожие речи», – бахвалов и болтунов, которые если не забывали тут же о своих притязаниях на высочайший статус, то больше их не повторяли, а напротив, отрекались от сказанного и ничем не подкрепляли его³.

Далее, российскими следует, очевидно, считать лишь тех лжемонархов, которые в своей мифической ипостаси не просто находились на территории Российского государства (по состоянию границ на данный момент), но хотя бы недолго пребывали там на свободе; при этом неважно, где они родились и чьими подданными были на момент «проявления» (первой демонстрации мифической ипостаси) в России. Соответственно вне рамок исследования оказываются те лжемонархи-россияне и претенденты на российский престол из числа иноземцев, которые действовали только за границей или же оказались в России как арестанты.

Наконец, под «клириками» понимаются профессиональные служители культа в рамках той или иной конфессии за исключением язычества и сектантства, а также члены их семей. В православии это священнослужители, церковнослужители и монашествующие (вместе с послушниками)⁴.

Итак, среди российских лжемонархов XVII–XVIII вв. к интересующей нас категории относились 12 чел. Вот они:

1. «Царевич Дмитрий Иванович, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий I [13 октября 1604 – 17 мая 1606]⁵ – предположительно Юрий Богданов сын Отрепьев (в монашестве – Григорий): на момент «проявления» – российский подданный, православный, беглый монах,

грамотный; после «проявления» – руководитель победоносного восстания против царя Б. Годунова и его сына Фёдора; правитель России с 20 июня 1605 по 17 мая 1606 г.⁶

2. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий II [12 июля 1607 – 11 декабря 1610] – неустановленное лицо: предположительно польский подданный, православный (крещёный иудей), бывший учитель грамоты (в школах при храмах), выходец из Речи Посполитой; после «проявления» – руководитель одного из наиболее мощных восстаний против царя В. Шуйского⁷.

3. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий III [начало 1611 – 20 мая 1612] – предположительно Сидор (Исидор) или Матвей: на момент «проявления» – российский подданный, православный, беглый дьякон (?), грамотный (?); после «проявления» – руководитель одного из локальных восстаний против царя В. Шуйского и «семибоярщины»⁸.

[с. 80]

4. «Царевна Наталья Алексеевна, сестра Петра I» [1717/1718 (?) – после 1736] – Девора (мирское имя неизвестно): на момент «проявления» – российская подданная, православная («староверка»), монахиня («старица») в лесном скиту, грамотная; после «проявления» – лидер тайной общины мурома-вязниковских «поповцев»⁹.

5. Предположительно «император Пётр II Алексеевич» [1737 (?) – после 12 марта 1738] – Пётр Иванов сын: на момент «проявления» – российский подданный, православный (сын попа), бродяга под арестом с репутацией безумного; после «проявления» был официально признан сумасшедшим, сторонников не приобрёл¹⁰.

6. «Будущий император, жених цесаревны Елизаветы Петровны» [май 1737 – после 6 октября 1740] – Иеракс (мирское имя неизвестно): на момент «проявления» – российский подданный, православный, монах с репутацией безумного, грамотный; после «проявления» был взят под стражу монастырскими властями, но сбежал, сторонников не приобрёл¹¹.

7. «Император Пётр II Алексеевич» [лето 1762 – 4/11 марта 1765], – Иев Евдокимов сын Семилеткин: на момент «проявления» – российский подданный, православный («старовер»), беглый рекрут, послушник (?) в лесных скитах, грамотный; после «проявления» приобрёл 12 сторонников, но потерял их, тогда попытался стать «записным раскольником», однако был задержан (осень 1764/ февраль 1765 г.); на следствии повинился в самозванстве, потом предстал как «побочный сын царицы Евдокии Фёдоровны, первой жены Петра I» и вновь себя разоблачил [31 марта 1765]; новых сторонников не приобрёл¹².

8. «Император Пётр III Фёдорович, внук императора Петра I от императрицы Екатерины Алексеевны или Анны Иоанновны» [3 февраля 1774 – 4 января 1781/ 14 августа 1783] – Клим Васильев сын: на момент «проявления» – российский подданный, православный, священник, грамотный; после «проявления» был сразу же арестован, сторонников не приобрёл¹³.

9. «Царевич, наследник российского престола, сын императрицы Елизаветы Петровны и эрцгерцога Фридриха Прусского» [29 января 1782 – после 23 декабря 1801], «патриарх, посвящённый от самого Христа» [после 21 мая 1782 – после 23 декабря 1801] – Амвросий (мирское имя неизвестно): на момент «проявления» – российский подданный, православный, монах (бывший игумен), грамотный; вскоре после «проявления» был арестован (между 29 апреля и 16 мая 1782 г.), сторонников не приобрёл¹⁴.

[с. 81]

10. «Император Пётр III Фёдорович» [конец декабря 1782 – апрель (?) 1783] – Дмитрий Григорьев сын Попович: на момент «проявления» – российский подданный, православный (сын попа), освобождённый каторжник, грамотный; вскоре после «проявления» был

арестован (7/8 марта 1783 г.), приобрёл 14 сторонников, но с движениями социального протеста не был связан¹⁵.

11. «Наследник российского престола цесаревич Павел Петрович» [7 декабря 1783 – 22 января 1784] – Григорий Акимов сын Зайцев (Заяц): на момент «проявления» – российский подданный, православный, беглый монастырский церковнослужитель (штатный причетник – «поддиакон»), грамотный; вскоре после «проявления» был схвачен (спустя несколько часов), приобрёл 1 сторонника, с движениями социального протеста не был связан¹⁶.

12. «Император Пётр III Фёдорович» [середина (?) ноября 1796 – 16 (?) февраля 1797] – Семён Анисимов сын Петериков: на момент «проявления» – российский подданный, православный, беглый купец, аскет («молчальник») вне монастыря, грамотный; после «проявления» был вскоре арестован (перед 11 февраля 1797 г.), приобрёл 4-х (?) сторонников, но с движениями социального протеста не был связан¹⁷.

По моим подсчётам, в России XVII–XVIII вв. было 147 лжемонархов, стало быть, клириков среди них было 8%. При этом их доля в XVII в. составляла 10% (3 из 29 самозванцев), в 1701–1761 гг. – 5% (3 из 58 чел.), в 1762–1800 гг. – 10% (6 из 60 чел.). В отличие от клириков, представлявших иные конфессии, отечественные православные клирики не считали монархическое самозванство чем-то зазорным, постыдным и недопустимым.

Посмотрим теперь, на какие группы и категории делились псевдомонархи из клириков.

Женщина среди них была одна – это можно объяснить господством патриархальных представлений в массовом сознании «низов» российского общества XVII–XVIII вв. Управление государством (а значит и желание «похитить» монарший статус!) считалось мужским делом¹⁸.

К духовным оппозиционерам относились только три клирика-лжемонарха: двое были «староверами», один – так сказать, неформальным подвижником. Значит, монархическое самозванство чаще всего не подпитывалось религиозной идеологией и не было особым проявлением социального протеста в религиозной сфере.

С другой стороны, переход клирика в разряд псевдомонархов не был жёстко связан и с его участием в «светских» выступлениях протеста. Такая связь имела место лишь в трёх случаях, и все они

[с. 82]

произошли во время Смуты. Можно полагать, что наличие/ отсутствие у монархического самозванства бунтарского заряда определялось прежде всего внешними обстоятельствами – состоянием экономики в стране, социальными отношениями, массовыми умонастроениями и пр.

Если сравнивать интересующих нас лиц по их реальным «должностным» статусам на момент «проявления», то получится следующая картина. Среди духовных оппозиционеров представлены лишь монашествующие, а вот среди тех, кто не рвал с официальной церковью, – монашествующие (2 чел.), священнослужители (1 чел.), лица, уже оставившие духовную службу (4 чел.), а также поповские дети, не пошедшие по стопам родителей (2 чел.). Получается, что в среде лояльных клириков лжемонарх, в принципе, мог быть «по чину» кем угодно, а вот в среде лиц, разорвавших с официальной церковью, монархическое самозванство парадоксальным образом было связано с предварительным отречением от мира.

Роднит обе группы самозванцев – лояльных клириков и оппозиционеров – почти поголовная грамотность (о П. Иванове данных нет). Это разительно отличается от показателя грамотности у остальных российских лжемонархов XVII–XVIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «самозванством» понимаются мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или статуса, особенности его самовосприятия, внутренние факторы его поведения и самооценки. Самозванство начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент публичного саморазоблачения – признания, что его подлинной ипостасью является иная – привычная для большинства знающих его людей и/или санкционированная официальной властью. См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. М., 2002. № 5–6. С. 47; Он же. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения. Н. Новгород, 2005. С. 79.

² См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? С. 46–47; Он же. Новые данные... С. 76–78.

³ См.: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 122–163; Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 51–52; Усенко О. Г. Лжемонархи в Сибири до XIX в. // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения. Нижневартовск, 2005. С. 104.

⁴ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1. Стб. 798, 801; Т. 2. Стб. 1913, 1367, 2350.

⁵ Здесь и далее в квадратных скобках указан период бытия самозванцев от «проявления» на российской земле до саморазоблачения, а если такового не было, то до их смерти. При этом все даты приводятся по старому стилю.

⁶ См.: Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 56–273; Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 4. С. 390–442; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 162–191; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; Васильев П. П. Тайны русской истории конца XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 83–141.

[с. 83]

⁷ См.: Соловьёв С. М. Соч. кн. 4. С. 456–600; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 360–619; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 228–289; Тюменцев И. О. Русские самозванцы 1606–1607 годов и народная религиозность // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 241–252; Он же. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 79 сл.; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 133–134, 157–228, 239–250; Памятники Смутного времени: Тушинский вор: личность, окружение, время. М., 2001. С. 12, 413–415, 428–439.

⁸ См.: Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 173–177; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 699–701, 738; Соловьёв С. М. Соч. Кн. 4. С. 634, 646–649; Кн. 5. С. 329–330; Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1. С. 263–271; Perrie M. Op. cit. P. 211–217; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 158–161, 568.

⁹ См.: Тельчаров А. Д. Вязниковская слобода (Из первоначальной истории города Вязники). М., 1999. С. 39–42; Усенко О. Г. Гендерный аспект монархического самозванчества в России XVII–XVIII вв. // Гендерная теория и историческое знание:.. Сыктывкар, 2005. С. 241–242; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 43, 393; Д. 278. Ч. 10. Л. 129–174; Ф. 349. Оп. 1. Д. 558, 623, 656, 874, 1107, 1228.

¹⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 7584. Л. 176–176 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 171–178 об., 189–192; 367. Ч. 2. Л. 188–202 об.

¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 403; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 3. Л. 325; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 6345; Новомбергский Н. Я. Слово и дело Государевы. Томск, 1909. Т. 2. С. 330–333.

¹³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 2. Л. 327–334; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7189.

¹⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 4. Л. 98 об.; ч. 10. Л. 257, 258 об.; Ед. хр. 2599.

¹⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 529; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2455.

¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 542.

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 554; Мельников П. И. Материалы для хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 3. С. 20–22.

¹⁸ См.: Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 64, 66–68, 493.